

НЕ ВЕРЬ

A stylized graphic of an eye with a white sclera and a dark, almond-shaped pupil. Inside the pupil, the Russian words "НЕ ВЕРЬ" (Do not believe) are written in a bold, red, sans-serif font. The eye is centered on a background composed of abstract, geometric shapes in shades of beige, black, and red, creating a camouflage-like pattern.

18+

Екатерина Ложкина

Не верь

<https://litres.ru/74615518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если человек, которому вы доверяете своего ребёнка, — вовсе не тот, кем кажется?

Врач с холодными руками. Добрыми глазами цвета неба. Мягким голосом. Он говорит: «Мир большой и страшный. Но нужно привыкать». А потом ведёт ребёнка в подвал.

«Не верь» — это цикл связанных историй о детях, которые исчезают в сером провинциальном городке девяностых. Кукла, ножички, велосипед, хлеб — обычные вещи становятся приманкой в руках того, кому доверяют все

Правда страшнее любого диагноза. Читайте — и не верьте никому.

Екатерина Ложкина

Не верь

НЕ ВЕРЬ

ГЛАВА 1

Пластмасса

Как-то раз, я подслушала разговор о моём дне рождения. Кто-то подарит мне новую куклу, о которой я так мечтала. И ещё... Какой-то человек заберёт меня. Куда? А главное, зачем? Мне стало страшно. Я закрылась в комнате и долго, долго плакала, умоляя чтобы этот день не наступил. Но время не остановить.

Вскоре этот день настал. Тётушка подарила мне ту самую куклу, но никто так и не пришёл меня забирать. Это странно, вам не кажется? День подходил к концу, но, опять же, никто меня не забирал. Мне на минуту показалось, что родители так пошутили. Но это была далеко не шутка.

Со стороны коридора, за дверью, слышались тяжёлые удары. И мамин быстрый голос сказал: «*Я открою!*» Мне стало так страшно, что не передать словами. В коридор зашёл мужчина в чёрном плаще и шляпе, а я спряталась в ком-

нате и пыталась не издавать никаких звуков. Но я ожидала, что мама распахнёт дверь, войдёт и утащит меня к этому дядьке. Но, вопреки моим ожиданиям, никто не зашёл. Все странности будто направлены только на меня одну, не так ли?

Я продолжу. Станный мужчина ушёл, и я вышла к маме, но её не было. Как сквозь землю провалилась! Я побежала искать папу, но его тоже нигде не было.

«А вдруг этот мужчина забрал моих родителей? Моих родителей!»

Хотя мне это показалось бредовой фантазией. Как этот мужчина мог так поступить...

Я бродила по дому, звала их, но в ответ – только тишина, гулкая и пустая, будто дом сам проглотил моих родных. На кухне стоял недоеденный торт, свечи уже оплыли, но праздник явно не состоялся. Кукла, моя долгожданная кукла, лежала на кровати, её стеклянные глаза смотрели в потолок с каким-то неподвижным укором. Я взяла её в руки, почувствовав холод пластмассы, но даже её мягкие волосы не могли успокоить дрожь, пробежавшую по моему телу.

Вдруг я услышала шаги. Тяжёлые, размеренные. Они приближались к моей двери. Сердце забилось быстрее, заглушая все остальные звуки. Я замерла, прислушиваясь. Дверь не открылась. Шаги прошли мимо, удаляясь вглубь коридора.

Я высунула голову из-за двери своей комнаты. Коридор был пуст. Но я чувствовала... Я чувствовала, что здесь кто-то есть. Ощущала, как воздух вокруг сгущается, как будто за мной наблюдают невидимые глаза. Я снова вернулась в комнату, прижав куклу к себе. Её лицо, такое милое и безмятежное, вдруг показалось мне жутким. Оно было идеальным, слишком идеальным.

Ночь опустилась на город, окутав всё вокруг чёрным покрывалом. Я лежала в кровати, боясь заснуть. Каждый шорох, каждый скрип половицы заставлял меня вздрагивать. Я представляла себе того мужчину в плаще, его шляпу, скрывающую лицо. Он забрал моих родителей, а теперь, наверное, придёт и за мной.

Утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь занавески, я всё ещё была в кровати. На улице было тихо. Слишком тихо. Я решила выйти. В гостиной, на столе, лежала записка. Мамин почерк, но какой-то неуверенный, дрожащий.

«Доченька, прости нас. Мы должны были. Это для твоего же блага.»

Для моего блага? Что это значит?

Я посмотрела на куклу. Её глаза, казалось, смеялись надо мной. Или они плакали?

Я не могла понять...

Я пошла в ванную. В зеркале увидела своё отражение. Вроде бы привычное, но... что-то было не так. Мои глаза казались огромными, а на губах играла лёгкая, неестественная улыбка. Я подняла руку, чтобы коснуться своего лица, но моё отражение сделало то же самое, и в этот момент я увидела, как мои пальцы превращаются во что-то... другое. Они стали гладкими, как пластмасса.

Я отшатнулась, задыхаясь.

Это не я. Это не я. Но кто тогда? Кто эта девочка в зеркале, которая так похожа на меня, но в то же время абсолютно чужая?

И тут я вспомнила. Вспомнила тот разговор.

«Новая кукла...о которой я так мечтала». «Какой-то человек заберёт меня».

Я посмотрела на куклу. Она была моей. Или я была... ей?

В коридоре снова слышались шаги. Но на этот раз они были другими. Легче. Кто-то вошёл в комнату. Я подняла глаза. Передо мной стояла женщина. В её глазах была смесь жалости и... облегчения.

— Ну вот, дорогая, — прошептала она, протягивая руку.
— Ты наконец-то вернулась домой. В свой настоящий дом.

Я посмотрела на свою руку. Теперь она была идеально

гладкой. Я почувствовала, как моё тело становится всё более лёгким, всё более... *пластмассовым*.

А мой старый дом, моя прежняя жизнь... Всё это было просто игрой. А я... я была всего лишь куклой, которую кто-то хотел забыть.

Я взяла куклу крепче и подумала, что во мне что-то меняется — не только руки, не только лицо, но и то, как я слышу мир. Внутри комнаты звуки стали складываться в слова, которых раньше не было. Скрип половицы превращался в шаги, шёпот занавесок — в жалобные мамины фразы, а птичий щебет — в тонкий, почти детский смех того мужчины в плаще. Кукла казалась единственным, что могло подтвердить моё существование: её улыбка не дрогнула, когда всё вокруг искажалось.

Я вышла в коридор. Двери дома были приоткрыты, но внутри никто не жил — или, по крайней мере, мне так казалось. На стенах были следы прежних праздников: воздушные шарики, на полу — осколки нечаянно разбитого стакана. Иногда я видела тени. Люди мелькали в дальнем конце коридора, но при приближении они растворялись, будто весь дом был сделан из дыма и памяти. Я звала маму, папу, тётку — и слышала в ответ только пустоту и иногда чей-то отрывочный смех, как будто кто-то пересказывал мне историю, которую я уже знала наизусть.

Прошло время, а я всё блуждала. За окнами сменялись дни. Иногда наступала странная ясность: я понимала, что кукла — это просто кукла, что шаги не проходят сквозь стены, и что мужчина в плаще — чья-то фантазия. Но затем ясность исчезала, и мир снова наполнялся голосами, которые говорили обо мне в третьем лице, обсуждали мой день рождения, моё «изъятие» и подаренную куклу, будто это была пьеса, в которой я не знала свою роль.

В какой то момент я заметила, что на ладонях у меня отпечатываются буквы — маленькие штрихи, словно кто то пытался записать мои мысли прямо на коже. Я начала вести дневник: записывала все голоса, всех людей и их фразы, как будто судорожно собирала улики. Страницы возвращали ку-сочки: «он придёт», «не открывай», «это для твоего блага». Но чем больше я писала, тем сильнее переплетались записи: строки перекрывали друг друга, слова дублировались, и в конце концов дневник стал зеркалом, где я видела не столько события, сколько повторяющиеся образы моего страха.

Однажды вечером ко мне в комнату вошла женщина с добрыми глазами. Её голос был тихим и ровным, как голос медсестры в удалённой больнице. Она улыбнулась и назвала меня по имени. «Ирочка», — сказала она и села рядом, обнимая меня, а после положила на стол несколько фотогра-

фий. На одной я была маленькой, счастливо сжимающей ту же самую куклу; на второй — пустая кровать, на третьей — мама и папа, но на второй фотографии они были молодыми и очень усталыми. Женщина сказала, что фотографии — это то, что осталось от прошлого, а я — то, что осталось от настоящего.

Потом последовали холодный свет и звук электрокардиографа, который не имел смысла в моём доме, но отлично вписывался в мои голоса. Я лежала на белой простыне, и ко мне подходил мужчина в белом халате с планшетом в руках. Он смотрел на меня не с удивлением, а с заботливой профессиональной строгостью. Его речь была ровной, без лишних интонаций: «Мы будем с тобой работать. Ты не одна». Ни одного упрёка, ни угрозы — только ровность. А рядом стояла та самая женщина, она держала мою руку и шептала: «Нам нужно помочь тебе вспомнить, что действительно было, а что — нет».

Я смотрела на экран планшета, и там внезапно мелькнул текст: заметка, печатная форма, аккуратно заполненная. Мои глаза прыгнули по строкам, пытаясь схватить смысл, и тогда я увидела фразу, которая не принадлежала голосам и не была частью игры: диагноз, написанный официальным, почти безэмоциональным почерком.

Врач прочёл вслух, словно для того, чтобы я услышала и поверила: «Первое манифестное психотическое расстройство. Галлюцинации, бред преследования, деперсонализация. Вероятная шизофрения на ранней стадии. Терапия, наблюдение, медикаментозная коррекция».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.